

## ВСТРОЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Воздыми свой дух и ни на чем его не утверждай.

*Алмазная сутра*

Сперва техническими, потом научными переворотами торжествующий опыт разорвал первобытную связь культурных смыслов, показал, что нет абсолютной опоры, и оставил нам только себя.

*Станислав Лем*

Я думаю, что в моей философии трудно быть дома... Философия – по определению, чужое место. Там никто не живет. Там можно только дышать чистым холодным воздухом твоей свободы.

*Александр Пятигорский*

Человеку для того, чтобы жить, необходимо чувствовать под ногами твердую почву. Сны могут казаться реальными в деталях и двадцать лет спустя, а реальность может выветриться из памяти через две недели. Виртуальное прошлое и будущее, ускользающее настоящее – все это фундаментальные составляющие нашей жизни, воздух которым мы дышим и состав которого не знаем. Твердой почвы нет, есть только хрупкая человеческая жизнь и сам человек – существо уязвимое и уязвляющее. Оптика, доступная его зрению и пониманию, имеет ограничения.

Система координат, в которой происходит существование человека, не определена настолько, что впору постулировать принцип неопределенности человеческого существования как фундаментальную аксиому. Человек не знает, кто он и зачем он, человек живет – в силу энергии рождения, встраивается в жизнь, устраивает ее как умеет и как не умеет. Многие из нашего далеко не всегда позитивного опыта отсылают нас к этому принципу неопределенности. Перед нами оказывается стена из иллюзий, которые мы выбираем, и вопросов, которыми мы вопрошаем.

Кто-то вопрошает, не находя ответа, кто-то утверждает, не вопрошая.

«Человек встроенный» – это человек, у которого *есть ответы, но нет вопросов*. Он встроен во что-либо – в природу, которая его окружает, в погоду, к которой он привыкает, в страну, в которой он живет и работает, в религию, в идею (свою или чужую), в других людей, которые делят с ним часть его жизни...

Такой человек, как правило, имеет устоявшийся образ жизни. Слово «образ» в словосочетании «образ жизни» для него – и «способ», и «образец»; его трудовая и творческая деятельность чаще всего институционализированы. «Встроенность», вмонтированность в жизнь, скрупулезное выстраивание собственной жизни – это мощная «гравитационная» составляющая, которая держит человека в вовлеченном, включенном в жизнь состоянии.

Как та самая лягушка, которая не утонула, потому что взбила молоко в сливки, «человек встроенный» *отверждает* (делает твердыми, пригодными для жизни) и утверждает временные цели, иллюзии и заблуждения, и, таким образом, может достаточно долго и успешно противостоять неопределенности своего существования. По Лютеру: «На том стою и не могу иначе».

«Человек встроенный» – позитивный, предсказуемый человек, но только если земля не плышет под его ногами, если укоренившаяся «встроенность» не призывает его в строй – военный, идеологический, корпоративный, мифологический, сиюминутный...

Иллюзия – ненадежный инстинкт самосохранения, но без иллюзий реальность плохо переносится. Склонность к единодушию – та же склонность к иллюзии. А в социуме иллюзии, в свою очередь, способны быть заразительными и организовываться в утопии и деспотии.

Встроенный человек опасен тем, что он может оказаться человеком, выстроенным в шеренгу, построенным во фронт, превратиться в равнодушное большинство, чреватое и послушанием, и бунтом. Тогда слепые водят слепых, и все «соборно» попадают в очередную историческую яму.

Никто – «ни Бог, ни царь и ни герой» не даст человеку такую веру, чтобы без иллюзий посмотреть окрест на постмодернистскую (а на самом деле извечную) *пустыню реальности*.

Отсутствие иллюзий или безуспешное стремление их обрести превращает человека в «человека невстроенного», не менее, а может быть, и более уязвимо, чем «человек встроенный». Поиск точки опоры может закончиться пониманием того, что опора не существует.

У «человека невстроенного» есть вопросы, но нет ответов. Отсутствие опоры люди переживают по-разному. Возможные и, может быть, основные реакции – разочарование, дискомфорт, фрустрация. Фрустрированный человек опасен, его жизненные силы замыкаются и производят разрушительную работу внутри или вовне. Человек может усыпить свою фрустрацию, загнать ее в отдаленные углы подсознания; формально он может вписаться в жизнь, но это будет летаргическая адаптация, чреватая депрессией и/или агрессией и/или эскапизмом.

«Человек невстроенный» может горячо устремиться в «окончательную» иллюзию – от религии и идеологии до коллекционирования марок, алкоголизма и наркомании. Человек с такой системой реагирования внешне похож на «встроенного», приспособившегося человека, но его мотивация пристрастия и зависимости чревата все тем же разрушением.

«Человек невстроенный» может изобрести собственный «велосипед», собственную творческую концепцию – персональную опору. По Кьеркегору: «На том стою: на голове или на ногах – не знаю». Творчество «человека невстроенного», подобно религии для верующего, может стать для него локальным спасением и он, возможно, станет спешить осчастливить своим «велосипедом» уже много повидавший и ни к чему обнадеживающему не пришедший человеческий мир.

У Аглаиды Шиманской\*, мало известной у нас поэтессе русского зарубежья, есть простое и убедительное стихотворение, иллюстрирующее проблему не встроенного в жизнь человека:

Зацепиться за что попало  
За пустой разговор, за стук,  
За пожатие шершавых рук,  
За письмо, за утренний чай,  
За рукав, за собачий лай –  
Все равно, если глупо и мало,  
Зацепиться за что попало –

Чтобы жить.

«Человек невстроенный» рискует зависнуть над собственной жизнью, завязнуть в собственной неприкаянности, но у него остается уникальная возможность, которой нет у «человека встроенного», знающего ответы, – возможность не пойти привычной дорогой, взмыть над природой-погодой, чувствами и идеями, чтобы... стать и остаться *сознательно* «человеком невстроенным», но не страдающим от собственной «невстроенности»-неустроенности. Такой человек не пойдет в толпу «встроенных» людей и избежит бунта людей «невстроенных».

Трудная и трудновыполнимая задача – оставаться самим собой и иметь мужество жить без иллюзий. И награда, если случится, трудная – возможность дышать разреженным, но чистым воздухом свободы.

«Самостоянье человека» – не залог его величия. «Самостоянье человека» – это равенство человека самому себе и своему творческому потенциалу. Это обретение точки опоры, не требующее архимедова «и я переверну весь мир».

\* Аглаида Сергеевна Шиманская (1903, Москва - 1995, Париж). Поэт, прозаик, литературный критик, мемуарист. Писала также на французском языке. В эмиграцию попала с родителями в 1920 г. Юность провела в Швейцарии. С 1939 года жила во Франции. Первая публикация - в 1947 году, в нью-йоркской русской газете "Новое русское слово". Печаталась также во многих других периодических изданиях зарубежья. Всего вышло четыре ее поэтических сборника.